

К. Н. Леонтьевъ, какъ религіозный мыслитель.¹⁾

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

К. Н. Леонтьевъ, какъ религіозная личность.

IV.

(1873—1891 г.).

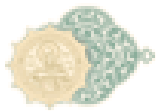
Съ Аеопа Леонтьевъ возвращается къ своимъ консульскимъ обязанностямъ. Но въ 74 году онъ окончательно оставилъ службу, какъ ему казалось тогда, навсегда.

„Разъ почувствовавъ влеченіе къ православію, Леонтьевъ, выражаясь его же словами о ближайшемъ другѣ о. Климентѣ Зедергольмѣ, предался своей избранной идеѣ со всею твердостью характера, со всею ясностью и послѣдовательностью философски воспитаннаго ума“. И на этомъ пути, по его мнѣнію, вполне послѣдовательнымъ фактомъ является принятіе монашества²⁾. На Аеопа тѣмъ не менѣе не остался онъ, чему не разъ удивлялся Вл. С. Соловьевъ: „старцы отговорили его отъ немедленнаго постриженія“ объясняетъ Леонтьевъ эту непослѣдовательность. Можно указать и другія причины ея: Леонтьевъ былъ женатъ, и не хотѣлъ уйти въ монастырь, не устроивъ своихъ дѣлъ³⁾... Но, думаемъ, нажиѣ были причины чисто психологическаго свойства: Леонтьевъ *рвался* къ исполненію въ міру тѣхъ задуманныхъ работъ, о которыхъ мы слышали его мольбу къ Пресвятой Богородицѣ на смертномъ одрѣ,—ему хотѣлось своимъ словомъ если не повернуть назадъ ходъ русской жизни, то, по крайней мѣрѣ, громко сказать ей свое—моне, текедь, фаресь... Эта жажда общественной об-

¹⁾ См. Труды Киевск. Дух. Академіи, іюнь, 1909 г.

²⁾ „От. Кл. Зед.“, стр. 30.

³⁾ По письму къ В. В. Розанову, жена у Л. была неизлечимо больна. Въ письмахъ къ К. А. Губастову содержатся указанія на трогательныя заботы объ ней Леонтьева.

личительной работы до конца жизни мѣшала Леонтьеву исполнить свой, казалось бы, естественный религіозный долгъ: до своей смерти онъ оставался такъ называемымъ тайнымъ монахомъ.

Если Леонтьевъ не остался на Афонѣ, то его онъ нашель въ Россіи въ знаменитой своими старцами и особенно послѣднимъ изъ нихъ отцомъ Амвросіемъ—Оптиной Пустыни. Вплоть до 80 года онъ дѣлитъ все свое время между Кудинovýmъ и Оптиной, гдѣ и вошелъ въ интимно-близкія отношенія съ отцомъ Климентомъ Зедергольмомъ.

Въ 80 году на короткое время уѣзжаетъ въ Варшаву на боевое мѣсто публициста „Варшавскаго Дневника“. Послѣдніе годы жизни проводить въ той же Оптиной Пустыни и лишь незадолго до смерти переселяется оттуда въ Сергіевъ Посадъ.

„Эти 20 лѣтъ послѣ обращенія, слышали мы слова Леонтьева, я прожилъ совсѣмъ иначе. Въ эти же послѣдніе 20 лѣтъ я и написалъ все лучшее и оригинальное“.

Существенно новаго не встрѣтимъ мы въ Леонтьевѣ за разсматриваемые годы его жизни. Но они были временемъ отдачи и себѣ и другимъ полного, яснаго и опредѣленнаго отчета въ своемъ міровоззрѣніи. Если до 71 года мы должны были болѣе или менѣе *угадывать* его душу по художественно-литературнымъ трудамъ и по отрывочнымъ позднимъ воспоминаніямъ, то, начиная съ 73 года, мы имѣемъ дѣло съ подробно-положительно и полемически-раскрываемой системой по основнымъ вопросамъ вѣры и жизни.

Положеніе системы христіанскаго міропониманія, раскрытаго Леонтьевымъ,—дѣло дальнѣйшихъ страницъ. Здѣсь же хотѣлось бы усмотрѣть мѣсто религіи въ общей связи его міровоззрѣнія, и, съ другой стороны, за громкими и настойчиво, порою до фанатизма, повторяемыми рѣчами подслушать подлинный голосъ душевныхъ переживаній, сплоть

и рядомъ, какъ говорили мы выше, не вполнѣ совпадающій съ произнесеннымъ словомъ ¹⁾

Въ пору молодого либерализма Леонтьева, мы видѣли, его учителями были Тургеневъ, Вѣлинскій, Герценъ (одной

¹⁾ Къ означенному періоду относятся почти всѣ статьи, составившіе главнымъ образомъ извѣстныя обществу 2 тома его сочиненія „Востокъ, Россія и Славянство“, лучшія повѣсти изъ турецкаго и греч. быта, біографія отца Климента Зедергольца и почти неизвѣстныя никому „Записки отшельника“, печатавшіяся на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ „Гражданинѣ“. Къ Fatum'у Леонтьева. Его книга „Отецъ Климентъ Зедергольцъ“ представляетъ собою положительно выдающееся изображеніе духовной жизни подвижника-монаха современнаго общежительнаго монастыря, а между тѣмъ спроса на эту книгу нѣтъ и не было. И въ печати она прошла почти совсѣмъ незамѣченной. Въ „Тетрадахъ“ (I, 20 № NB) Леонтьева по поводу восторженнаго библиографическаго отзыва о данной книгѣ И. К. въ „Московск. Вѣдомостяхъ“ имѣется его небезынтересная приписка. „Когда эта біографія отца Климента была еще въ концѣ 79 года въ первый разъ напечатана въ „Русск. Вѣстн.“, то въ крошечномъ еженедѣльномъ изданіи „Руководства для сельскихъ пастырей“ (слышно, что самъ митрополитъ Платонъ наблюдалъ за этимъ изданіемъ) былъ совѣтъ священникамъ читать эту статью, какъ очень полезную имъ. Это было утѣшительно!“ И только-то!? спросимъ отъ себя. Да, только, если не считать совершенно незначительныхъ, въ нѣсколько строкъ, отзывовъ въ нѣкоторыхъ період. изд. (напр., „Церковный Вѣстникъ“)… Но продолжаю NB Леонтьева. „Еще фактъ. Недавно служащій при Св. Синодѣ шталмейстеръ Хрущовъ (человѣкъ набожный) говорилъ и мнѣ, и отцу Амвросію, что для Остзейской провинціи (откуда происх. родомъ о. Кл.) теперь новое изданіе этой книги было бы очень полезно, что она на нѣкоторыхъ сильно дѣйствуетъ. Я сказалъ: ну что-жъ издавайте въ пользу храмовъ въ Остз. краѣ. А мнѣ доходу за эту книгу не нужно. Хрущовъ сказалъ: я скажу Побѣдоносцеву. И ничего не сдѣлалъ. Замѣчу при этомъ, что К. П. Побѣдоносцевъ купилъ у меня въ 86 г. 60 экзмп. сборника „В. Р. и Сл.“ для семинарій, значить книгу

половиной своей души—первой) и Жоржъ Сандъ. „Я встрѣчать Хомякова и Погодина, но они оба тогда мнѣ вовсе не нравились лично. Сочиненіямъ ихъ я также не находилъ въ душѣ моей въ это время ни малѣйшаго отголоска“—такъ пишетъ Леонтьевъ о себѣ—студентъ Университета¹⁾. Теперь Леонтьевъ возвращается въ Россію врагомъ либеральныхъ принциповъ, ортодоксально вѣрующимъ человекомъ. Своими единомышленниками онъ, повидимому, считаетъ Каткова, въ журналѣ котораго печатаетъ свои статьи, и славянофиловъ. Въ обществѣ и доселѣ держится мнѣніе, по которому Леонтьевъ является лишь однимъ изъ славянофиловъ. Вѣдѣнная связь его съ нѣкоторыми изъ представителей славянофильства и совпаденіе въ отдѣльныхъ пунктахъ,—вовсе не такъ характерныхъ для славянофиловъ,—были причиной этого глубокаго недоразумѣнія. Насколько Леонтьевъ самобытенъ и непріемлемъ для такихъ идеалистовъ, какъ И. С. Аксаковъ, И. В. Кирѣевскій, и А. С. Хомяковъ, идеализмъ которыхъ основывался на этическомъ принципѣ...—видно, я думаю, изъ всего сказаннаго раньше. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе будетъ это расхожденіе Леонтьева и означенныхъ русскихъ мыслителей²⁾.

гораздо менѣе духовную, чѣмъ „От. Климентъ“. Премудрость!“ Ну, а о разосланныхъ по семинаріямъ сборникахъ Леонтьева были какія либо печатныя рѣчи?!.. Мы ихъ не знаемъ, не считая, конечно, маленькихъ библиографическихъ замѣтокъ—да и то очень немногихъ.

1) „Тургеневъ въ Москвѣ“, стр. 103.

2) Литература о Леонтьевѣ не мало содѣйствовала господству даннаго мнѣнія. Ея вина въ томъ, что, не стараясь проникнуть въ сущность воззрѣній Л—ва, большинство писавшихъ основывалось лишь на собственныхъ словахъ Леонтьева или на тѣхъ частнаго характера совпаденіяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Такова, напр., легкая статья „Вѣстника Европы“ (1885, XП) о сборникахъ Леонтьева, въ которой онъ названъ „горячимъ

Каковы же существенныя черты міровоззрѣнія Леонтьева въ данный періодъ?

„Во мнѣ примирены славянофилы, Данилевскій съ Катковымъ и Герценомъ и даже отчасти съ Соловьевымъ. Для меня самого *все* это ясно и связано органическою, живою нитью. Ясенъ ли я въ моемъ идеалѣ для другихъ—не знаю“, писалъ Леонтьевъ наклонѣ своихъ лѣтъ о. Фуделю¹⁾. Нѣтъ нужды послѣ сказаннаго прежде настаивать, что пунктомъ примиренія, повидимому, столь разнородныхъ мыслителей и органическою связью всѣхъ сторонъ его собственнаго міровоззрѣнія былъ эстетизмъ—единство въ многообразіи жизни

сторонникомъ славянофильства“. Такова же статья П. Н. Милюкова „Саморазложеніе славянофильства“. Кн. С. Н. Трубецкой (Русск. Мысль, 1892, окт.: „Разочарованный славянофилъ“) тоже сначала считалъ Л. славянофиломъ. Но радъ былъ заявить послѣ статьи г. Кирѣева (Протоколы Слав. Благотв. Общ. 1894 г.), что въ сущности и онъ никакъ не могъ понять, каково отношеніе Л. къ истиннымъ славянофиламъ. „Я съ своей стороны думаю, писалъ Трубецкой, что славянофилы 50—60 годовъ могли бы только съ *отвращеніемъ* протестовать противъ *цинической* проповѣди Леонтьева“ („Вѣстникъ Европы“, 1894, августъ: „Противорѣчія нашей культуры“. Вл. „Собраніи сочиненій“ кн. Трубецкого т. I, стр. 212, а „Разочарованный славянофилъ“—стр. 149). Г. Левъ Тихомировъ въ статьѣ „Русскіе идеалы и К. Н. Леонтьевъ“ (Русское Обозрѣніе 1894 г., 10) считаетъ Л. „выразившимъ *второй* фазисъ русскаго сознанія, какъ славянофилы отмѣтили *первый* фазисъ его пробужденія“ (стр. 882), ставя, т. е., его все же въ генетическую связь съ славянофилами. Свщ. І. Фудель въ необыкновенно цѣнной по заключ. въ ней письмамъ Л.—ва статьѣ „Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева“ (Русское Обозрѣніе 1895 г.), повидимому, присоединяется къ мнѣнію г. Тихомирова (стр. 258), хотя и приводитъ письма самого Леонтьева, дающія право на совѣтъ иные выводы...

¹⁾ „Культур. идеалъ Л.—ва“, стр. 267.

Нити его міровоззрѣнія, пользуясь его собственнымъ сравненіемъ, разнообразны, но во всѣхъ нихъ наряду съ другими есть одна краска—это эстетизмъ,—и краска, затѣняющая иные цвѣта. Тѣмъ клубкомъ, въ который Леонтьевъ собралъ нити своей души, служить его раскрытая въ послѣдніе годы теорія историческаго развитія; въ ней онъ до конца своей жизни видѣлъ главную свою заслугу. И намъ необходимо ознакомиться съ нею, чтобы до конца понять мѣсто религіи въ его душѣ¹⁾.

Терминомъ *развитія* опредѣляется смыслъ исторической жизни всего человѣчества. Ему служимъ всѣ мы своимъ умомъ, волею и страстями.

Что такое *процессъ развитія*? Леонтьевъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

„Процессъ развитія въ органической жизни значитъ:

¹⁾ Исчерпывающимъ и блестящимъ изложеніемъ данной теоріи служить поминутая нами статья В. В. Розанова „Эстетическое пониманіе исторіи“ съ двумя продолжающими ее статьями „Теорія историческаго прогресса и упадка“. Для подробнаго ознакомленія съ этимъ пунктомъ міровоззрѣнія Л. мы и отсылаемъ читателя къ ней. Розановъ и въ этой статьѣ (кн. I, стр. 167), и въ примѣч. къ письмамъ Л.—а (кн. V, стр. 169, прим. 3) говоритъ: „въ этой теоріи главная *суть* Л.—ва; безъ нея—ею просто *нѣтъ*“. Мы вдвойнѣ не согласны съ этимъ мнѣніемъ: 1, теорія—только формулированіе задолго раньше высказанныхъ мыслей—и правильнѣе было бы сказать: безъ эстетизма нѣтъ Леонтьева; 2, В. В. не придавалъ значенія религіи Леонтьева, говоря, что „религія явно для него или членъ политической системы, или упрямый предразсудокъ старика, который рѣшился „отравить часть“ современникамъ-безбожникамъ“ (кн. VI, стр. 422, прим. 1). Мы совершенно иначе смотримъ на религію Леонтьева: по нашему мнѣнію, въ его вѣрѣ, *противорѣчащей* его теоріи, заключается весьма цѣнная половина, часть его души. Но объ этомъ подробнѣе ниже.

Постепенное восхождение от простѣйшаго къ сложнѣйшему, постепенная индивидуализація, обособленіе съ одной стороны отъ окружающаго міра, а съ другой отъ сходныхъ и разнородныхъ организмовъ, отъ всѣхъ сходныхъ и родственныхъ явленій.

Постепенный ходъ отъ безцвѣтности, отъ простоты къ оригинальности и сложности.

Постепенное осложненіе элементовъ составныхъ, увеличеніе богатства внутренняго и въ то же время постепенное укрѣпленіе единства.

Такъ что высшая точка развитія не только въ органическихъ тѣлахъ, но и вообще въ органическихъ явленіяхъ, есть высшая степень сложности, объединенія нѣкимъ внутреннимъ деспотическимъ единствомъ¹⁾.

Старый медикъ-реалистъ въ обоснованіи своей теоріи становится на естественно-научную почву: своему уподобленію, которое мы выписываемъ цѣликомъ, онъ придаетъ огромное значеніе и не какъ только уподобленію²⁾. „Не только цѣлые организмы, но и всѣ органическіе процессы и всѣ части организмовъ, однимъ словомъ, всѣ органическія явленія подчинены тому же закону (восхожденію отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему). Положимъ: Воспаленіе легкихъ (Pneumonia). Начинается оно большею частью просто, такъ

¹⁾ „Вост., Рос. и Сл.“, т. I. Рядъ стат. подъ загл. „Византизмъ и Славянство“, гл. VI: „Что такое процессъ развитія“, стр. 136 и сл.

²⁾ „Спѣшу сознаться, пишетъ Л. въ примѣчаніи 74 года къ данному мѣсту (стр. 137), что я имѣю здѣсь претензію на нѣчто гораздо большее, чѣмъ уподобленіе. Правъ я или нѣтъ, это другой вопросъ. Я хочу только предупредить, что дѣло здѣсь не въ уподобленіяхъ, а въ желаніи указать на то, что законы развитія и паденія государствъ, повидимому, въ общихъ чертахъ однородны не только съ законами органическаго міра, но и вообще съ законами возникновенія, существованія и гибели (Entstehen, Daseyn und Vergehen) всего того сущаго, что намъ доступно“.

просто, что его нельзя строго отличить въ началѣ отъ простуды, отъ Bronchitis, отъ Pleuritis и отъ множества другихъ и опасныхъ, и ничтожныхъ болѣзней. Недомоганіе, жаръ, боль въ груди или въ боку, кашель. Если бы въ эту минуту человекъ умеръ отъ чегонибудь другого (напр., если бы его застрѣлили), то и въ легкихъ нашли бы мы очень мало измѣненій, *очень мало отличій отъ другихъ легкихъ*. Болѣзнь *не развита, не сложна еще*, и потому и *не индивидуализирована и не сильна* (еще не опасна, не смертоносна, еще *мало вліятельна*). Чѣмъ сложнѣе становится картина, тѣмъ въ ней больше разнообразныхъ отличительныхъ признаковъ, тѣмъ она легче индивидуализируется, классифицируется, отдѣляется и, съ другой стороны, тѣмъ она все сильнѣе, все вліятельнѣе. Препжніе признаки еще остаются, жаръ, боль, горячка, слабость, кашель, удушье и т. д., но есть еще новыя, мокрота, окрашенная, смотря по случаю, отъ кирпичнаго до лимоннаго цвѣта. Выслушиваніе, даетъ, наконецъ специфическій *ronchus crepitans*. Потомъ приходитъ минута когда картина наиболѣе сложна: въ одной части легкихъ простой *ronchus subcrepitans*, свойственный и другимъ процессамъ, въ другой *ronchus crepitans* (подобный нѣжному треску волосъ, которые мы будемъ растирать медленно около уха), въ третьемъ мѣстѣ выслушиваніе груди даетъ бронхиальное дыханіе *souffle tubaire*, на подобіе дуновенія въ какую-нибудь трубку: это—опеченіе легкихъ, воздухъ не проходитъ вовсе. Наконецъ, можетъ случиться, что рядомъ съ этимъ будетъ и нарывъ, пещера, и тогда мы услышимъ и увидимъ еще новыя явленія, встрѣтимъ еще болѣе сложную картину. То же самое намъ дадутъ и вскрытія

- 1) силу,
- 2) сложность,
- 3) индивидуализацію.

Далѣе если дѣло идетъ къ выздоровленію организма то картина болѣзни упрощается.

Если же дѣло къ побѣдѣ болѣзни, то, напротивъ, упрощается, или вдругъ, или постепенно, картина самаго организма

Если дѣло идетъ къ выздоровленію, то сложность и разнообразіе признаковъ, составлявшихъ картину болѣзни мало по малу, уменьшаются. Мокрота становится обыкновеннѣе (менѣе индивидуализирована); хрипы переходятъ въ болѣе обыкновенныя, схожіе съ хрипами другихъ кашлей; жаръ спадаетъ, опеченіе разрѣшается, т. е. легкія становятся опять *однороднѣе, однообразнѣе*.

Если дѣло идетъ къ смерти, *начинается упрощеніе организма*. Предсмертные, послѣдніе часы у всѣхъ умирающихъ сходятся, проще, чѣмъ середина болѣзни. Потомъ слѣдуетъ смерть, которая, сказано давно, всѣхъ равняетъ. Картина трупъ малосложнѣе картины живого организма; въ трупѣ все мало по малу сливается, просачивается, жидкости застываютъ, плотныя ткани рыхлѣютъ, всѣ цвѣта тѣла сливаются въ одинъ зеленовато-бурый. Скоро уже трупъ будетъ очень трудно отличить отъ другого трупа. Потомъ упрощеніе и смѣшеніе составныхъ частей, продолжаясь, переходитъ все болѣе въ процессъ разложенія, распада, растворенія, *развитія* въ окружающемъ. Мягкія части трупа, распадаясь, разлагаясь на свои химическія составныя части, доходятъ до крайней неорганической простоты углерода, азота, водорода и кислорода, *разливаются* въ окружающемъ мірѣ, *распространяются*“.

Въ описанномъ явленіи мы наблюдаемъ два типичскіе процесса органической жизни и органическаго умиранія. „Противоположные другъ другу, они вступаютъ въ борьбу, и моментъ побѣды одного, совпадающій съ наибольшою его сложностью, есть моментъ начинающаго упрощенія другого. Смерть здѣсь есть дѣйствительно возвращеніе сложнаго къ однородному, разнообразнаго къ сходному, обособленнаго къ смѣшанному“.

Тому же закону развитія слѣдуетъ эмбриологическій процессъ, ему же слѣдуетъ образованіе и жизнь и неорганическихъ тѣлъ. (Примѣромъ берется образованіе планеты)

„Такимъ образомъ, существованіе всего, подлежащаго закону рожденія и умиранія, слагается изъ двухъ, діаметрально-противоположныхъ процессовъ:

1. изъ *процесса восходящаго развитія*, въ которомъ возникшее обособляется, уединяясь, отъ всего окружающаго, и внутри его каждая часть обособляется, уединяясь, отъ всѣхъ прочихъ; но это обособленіе касается лишь формы и функционирования: всѣ части проникнуты единствомъ плана, и нѣтъ, коренясь въ обособляющемъ существѣ, разнообразить своею сложностью его части и вмѣстѣ удерживаютъ отъ распадѣнія;

2. изъ *процесса нисходящаго развитія*, въ которомъ все торично смѣшивается, смѣшиваясь сливается и становится однороднымъ, какъ съ окружающимъ чрезъ утрату внѣшнихъ границъ своихъ, такъ и внутри самого себя черезъ потерю границъ, которыя въ немъ отдѣляли одну часть отъ другой.

Въ обоихъ процессахъ, какъ это ясно, господствующее начало есть *начало грани, предѣла*: становится оно тверже, переступаемѣе для содержамаго — и жизнь возрастаетъ; ускибѣтъ оно, не сдерживаетъ болѣе содержамаго — и жизнь блекнетъ и исчезаетъ. Грань—это не только символъ жизни, но и зиждитель ея; неопредѣленность, неограниченность—это эмблема смерти и ея источникъ“¹⁾. „*Форма есть жипотизмъ внутренней идеи, не дающей матеріи разбѣгаться, взрывая узы этого естественнаго деспотизма, явленіе гибѣть*“ говоритъ особенно настойчиво Леонтьевъ²⁾.

Примѣнимыя къ цѣлой природѣ, основныя начала теоріи Л., по его мнѣнію, примѣнимы и къ части—человѣческой жизни.

¹⁾ При изложеніи данной теоріи Л.—ва пользуемся комментариемъ В. В. Розанова. См. „Эстет...“, кн. I, стр. 171—172.

²⁾ „В., Р. и Сл“, т. I, 143.

Умственная (философія), эстетическая (искусство) и религиозная сферы духовнаго творчества неизбежно подчиняются закону триединаго процесса—первоначальной простоты, послѣдующей сложности и вторичнаго упрощенія—при зиждательномъ началѣ формы.

Древнія простые правила народной мудрости смѣняются болѣе развитыми воззрѣніями и по мѣрѣ возрастанія послѣднихъ является философія съ ея многообразными направленіями. Затѣмъ наступаетъ періодъ вторичнаго упрощенія, потеря самобытности и самоутвержденія (деспотической формы), и остаются лишь общія, совершенно лишенная внутренней архитектуры, воззрѣнія: или вообще матеріалистическое, или вообще идеалистическое. Но и они теряютъ опредѣленность даже въ отношеніи другъ друга. „И если прежде за отгѣнокъ въ мышленіи люди принимали изгнаніе, тюрьму и костеръ, то теперь и за всю совокупность воззрѣній своихъ никто не поступится простыми удобствами жизни“¹⁾.

Искусство въ первоначальной своей стадіи является прибавленіемъ къ необходимому немногихъ знаковъ, которые украшаютъ, т. е. нравятся человѣку независимо отъ ихъ полезности. На второй стадіи развитія мы видимъ многія обособленные другъ отъ друга школы съ ихъ тончайшими отгѣнками. Затѣмъ—и здѣсь вторичное упрощеніе: особенности въ способахъ воплощенія красоты исчезаютъ, остается одно лишь воспроизведеніе типичнаго въ природѣ (натуралпзмъ), и, наконецъ, прекрасное снова скрывается въ полезномъ, откуда оно и вышло.

Въ области религіи на первой стадіи—деизмъ философа и фетишизмъ дикаря, на второй—строгій виѣшній культъ, сложная духовная іерархія, обильныя религиозныя представ-

¹⁾ Розановъ В. В. „Эст...“, стр. 175.

ленія и понятія, на третьей стадіи—тотъ же безнадежно простой содержаніемъ деизмъ, ничѣмъ не отграниченный отъ атеизма.

Тому же закону подчинена и жизнь цѣлыхъ народовъ и государствъ, но здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о психологіи отдѣльнаго лица, именно Леонтьева, не мѣсто изложенію его взглядовъ на законы развитія цѣлыхъ народовъ и государствъ. Минувъ, поэтому, конкретное приложеніе теоріи Леонтьева къ судьбѣ народовъ и государствъ, остановимся лишь на примѣненіи его социологіи къ родному ему и намъ славянскому племени и въ частности къ русскому народу, на служеніе которому—и одному только („На кой намъ прахъ Европа? Богъ съ нею!“—любимъ повторять Л.—въ)—Леонтьевъ хотѣлъ отдать всего себя.

Итакъ, въ чемъ же самобытность славянскаго племени? По смыслу леонтьевской гипотезы, это для Леонтьева—вопросъ большой важности. Ея нѣтъ—отвѣчаетъ Леонтьевъ. Наши юго-западные славяне давно уже превратились въ „пошлыхъ обезьянъ“ Европейскихъ народовъ съ ихъ мѣщанскимъ прогрессомъ. Россія? Но что въ русскомъ народѣ *этнографически* особеннаго и хорошаго? Если взять его *въ сформировавшей его Византійской культурѣ*, то это былъ „народъ дикій, новый, простой, свѣжій, ничего почти не испытывшій“—и только. Говорятъ, высокія качества славянъ, въ частности и особенно русскихъ, сказались въ развитіи семейнаго начала. Но и это преувеличеніе „нѣкоторыхъ славянофиловъ, которымъ посчастливилось вырасти въ крѣпкихъ Велико-русскихъ семьяхъ...“ „Чтобы убѣдиться въ этомъ нагляднѣе, надо, съ одной стороны, вспомнить несравненную ни съ чѣмъ другимъ прелесть семейныхъ картинъ Диккенса, или Вальтеръ-Скотта, и съ менѣе гениальной силой усвѣхъ почти Англійскихъ писателей. А съ другой,—Германскую нравственную философію, которая первая развила строго идею семейнаго *дома для дома*, даже внѣ религіозной заповѣди.

Можно ли вообразить себѣ великаго Великорусскаго писателя, который *догадался бы прежде* Нѣмцевъ изложить такой взглядъ и изложить бы его хорошо, оригинально, увлекательно? Будемъ искренни и скажемъ, что это, можетъ быть, грустная правда, но правда.

Что касается до художественныхъ изображеній, то пусть только сравнить кто-нибудь самыхъ даровитыхъ писателей нашихъ съ Англійскими, и онъ увидитъ тотчасъ же, до чего я правъ. Развѣ можно сравнить семейныя картины графа Л. Н. Толстого съ картинами Вальтеръ-Скотта, и особенно Диккенса? Развѣ теплота „Дѣтства и Отрочества“ можетъ сравниться съ теплотою, съ какимъ-то страстнымъ эвгическимъ лиризмомъ Коннерфильда? Развѣ семейная жизнь „Войны и Мира“, семейные (весьма немногосложные) идиллическіе оттѣнки въ произведеніяхъ Тургенева и Гончарова равны по обилію и силѣ идиллическихъ красотъ семейнымъ картинамъ Англійской литературы? Развѣ можно вообразить себѣ великаго Русскаго поэта, который написалъ бы „Колоколъ“ Шиллера? Сильны ли семейныя чувства (сравнительно съ Германскимъ, конечно.) у Пушкина, у Лермонтова и у самого полу-мужика Кольцова? ¹⁾

„Кто же угадаетъ теперь особую форму этого организованнаго, проникнутаго общими идеями Славянства? До сихъ поръ мы этихъ общихъ и своихъ всемірно-оригинальныхъ идей, которыми Славяне бы отличались рѣзко отъ другихъ націй и культурныхъ міровъ, не видимъ. Мы видимъ вообще что-то отрицательное, очень сходное съ Романо-Германскимъ, но какъ-то жиже, слабѣе все, бѣднѣе“.

Западникъ Тургеневъ, въ своихъ политическихъ и общественныхъ взглядахъ антиподъ Леонтьева, устами Базарова (въ „Отцахъ и дѣтихъ“), какъ извѣстно, подвергъ жестокой критикѣ всѣ кумиры славянофиловъ. Но Тургеневъ въ безпросвѣтномъ пессимизмѣ нашелъ все же выходъ для

¹⁾ Тамъ же, стр. 91—92.

себя въ великомъ сокровищѣ русской души—русскомъ языкѣ: „въ дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины—слышимъ мы его лебединую пѣснь, ты одинъ лишь поддержка и опора, о великій, могучій, правдинный и свободный русскій языкъ!“ „Языкъ?—спрашиваетъ Леонтьевъ. Но языкъ что такое?.. *Анти-европейскія* блестящія выходки Герцена, читаемыя на *французскомъ языкѣ*, производятъ болѣе *русское* впечатлѣніе, чѣмъ по-русски написанныя статьи *Голоса* и т. п.“¹⁾.

Итакъ, о какой же самобытности русскаго народа можетъ быть рѣчь, если въ немъ ничего нѣтъ своего?

„Сильны, могучи у насъ только три вещи: Византійское православіе, родовое и безграничное самодержавіе наше и, можетъ быть, нашъ сельскій поземельный бытъ“²⁾, и изъ нихъ сильнѣе всего—Византійское православіе, въ какомъ и вся сущность Византійской культуры.

Спасителенъ и плодотворенъ нашъ царизмъ. Но онъ окрѣпъ подъ вліяніемъ православія, подъ вліяніемъ Византійскихъ идей. „Византійскія идеи и чувства сплотили въ одно цѣлое полудикую Русь. Византизмъ далъ намъ силу перенести татарскій погромъ и долгое данничество. Византійскій образъ Спаса осѣнялъ на Великокняжескомъ знаме-

¹⁾ Тамъ же, стр. 105.

²⁾ Тамъ же, стр. 98. Передъ нашей общиной, какъ извѣстно, послѣ долгихъ скитаній по Европѣ склонился и Герценъ. Леонтьевъ въпослѣдствіи также опредѣленно видѣлъ въ общинѣ великій даръ русскаго народа всему человѣчеству. Здѣсь же мы слышимъ его лишь „можетъ быть“. А въ скобкахъ онъ пишетъ: „такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ многіе о нашей общинѣ; такъ думаютъ наши охранители Православія и Самодержавія, Славянофилы и, съ другой стороны, человѣкъ совершенно противоположный имъ, социалистъ Писанскій, Эмиль Кастеларъ“.—Вотъ все, что, по Леонтьеву, осталось—и то съ „можетъ быть“—отъ всѣхъ мечтаній славянофиловъ нашихъ!..

ни вѣрующія войска Димитрія на томъ бранномъ полѣ, гдѣ мы впервые показали татарамъ, что Русь Московская уже не прежняя, раздробленная Русь! Византизмъ далъ намъ всю силу нашу въ борьбѣ съ Польшей, со Шведами, съ Франціей и съ Турціей. Подъ его знаменемъ, если мы будемъ ему вѣрны, мы, конечно, будемъ въ силахъ выдержать натискъ и цѣлой интернаціональной Европы, еслибы она, разрушивши у себя все благородное, осмѣлилась когда-нибудь и намъ предписать гниль и смрадъ своихъ новыхъ законовъ о мелкомъ земномъ всеблаженствѣ, о земной радикальной всепошности!“¹⁾

„Даже Расколъ нашъ Великорусскій носить на себѣ печать глубокаго Византизма“²⁾, а расколъ—„спасительный тормазъ прогресса!“

Если, теперь, мы нѣсколько ближе опредѣлимъ сущность Византизма, то намъ ясно будетъ, въ чемъ счастье Русскаго народа, и въ чемъ его всемірная задача.

„Представляя себѣ мысленно Византизмъ, мы видимъ передъ собою какъ бы строгій, ясный планъ обширнаго и помѣстительнаго зданія. Мы знаемъ, напримѣръ, что Византизмъ въ Государствѣ значитъ—самодержавіе. Въ Религіи онъ значитъ Христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ Западныхъ Церквей, отъ ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ мы знаемъ, что Византійскій идеалъ не имѣетъ того высокаго и во многихъ случаяхъ крайне преувеличеннаго понятія о земной личности человѣческой, которое внесено въ исторію Германскимъ феодализмомъ; знаемъ наклонность Византійскаго нравственнаго идеала къ разочарованію во всемъ земномъ, въ счастьи, въ устойчивости нашей собственной чистоты, въ способности нашей къ полному нравственному совершенству здѣсь.

¹⁾ Тамъ же, стр. 98.

²⁾ Тамъ же, стр. 99.

доду. Знаемъ, что Византизмъ (какъ и вообще Христіанство) отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ; что онъ есть сѣлнѣйшая антитеза идеѣ всечеловѣчества въ смыслѣ земнаго неравенства, земной всесвободы, земнаго всесовершенства и вседовольства“¹⁾.

„Какъ и вообще христіанство“, замѣчаетъ мимоходомъ Леонтьевъ. Если мы вспомнимъ о первомъ посѣщеніи Леонтьевымъ Аѳонскаго монастыря, то эта полутная вставка явится для насъ весьма характерной. „Что такое Христіанство въ Россіи безъ Византійскихъ *основъ* и безъ Византійскихъ *формъ*?“ Спрашиваетъ Леонтьевъ въ той же едва ли не главнѣйшей своей статьѣ „Византизмъ и Славянство“²⁾. И своими статьями „Панславизмъ и греки“, „Панславизмъ на Аѳонѣ“³⁾ отвѣчаетъ: его нѣтъ. Есть единственно правильное христіанство—христіанство организованныхъ по типу Аѳона монастырей: „Святая Христова Вѣра“ (Πίστις ἀγία τοῦ Χριστοῦ) для грека не значить голая и сухая утилитарная нравственность, польза ближняго, или такъ называемаго челоуѣчества. Христіанство для Грека значить православіе, догматы, канонъ и обрядъ взятые во всецѣлости“⁴⁾.

Но христіанская религія въ ея ученіи о Богѣ, Спасителѣ міра, и въ ея нравственныхъ принципахъ давалась во всякомъ случаѣ для людей всѣхъ временъ и всякой исторической формы жизни, и уже поэтому—мы не говоримъ пока про самое существо этого ученія—оно является *равнымъ* для всѣхъ людей. Нѣтъ нужды разъяснять, насколько теорія Леонтьева и религія въ данномъ, основномъ для нея, пунктѣ несогласима съ подлиннымъ христіанствомъ.

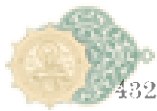
Леонтьевъ разрѣшаетъ эту антиномію легко.

1) Тамъ же, стр. 82.

2) Стр. 85.

3) Первые статьи I т. „В., Р. и Сл.“.

4) „В. Р. и Сл.“, т. I, стр. 117.

О Богѣ, о Христѣ онъ просто не говоритъ. А нравственные принципы для него являются настолько второстепеннымъ дѣломъ, что его рѣчи носятъ на себѣ явную печать уже знакомаго намъ аморализма¹⁾. Позже и въ статьяхъ и въ письмахъ и, наконецъ, въ „Тетрадахъ“ онъ любилъ задавать характерный вопросъ: „а что такое добро и зло?—Развѣ это ужъ такъ ясно?“. Сказать это прямо въ данное время было бы, думаемъ, для другихъ, выражаясь его сравненіемъ, „пищей крутой...“ По основной аморальный социологическій принципъ примѣняется имъ къ Россіи въ полной мѣрѣ.

„У Россіи особая политическая судьба: счастливая она или несчастная, не знаю. Интересы ея носятъ какой-то нравственный характеръ поддержки слабѣйшаго, угнетеннаго“²⁾.

1) Леонтьевъ въ концѣ своей жизни больше чѣмъ равнодушно отрицалъ мораль: онъ боролся съ нею. „Моральное міросозерцаніе всегда *тенденціозное* эстетическаго, пишетъ онъ о. Фуделю, котораго, по письму къ В. В. Розанову, онъ при помощи о Амвросія обратилъ на путь „настоящаго“ христіанства „безъ ложныхъ надеждъ на гармонію“ (Леонт. не могъ простить ея Достоевскому...) („Изъ пер.“..., кн. IV, стр. 645),—человѣкъ со строго моральнымъ міросозерцаніемъ, которому измѣнить онъ не хочетъ, принужденъ объ одномъ умалчивать, другое иногда даже искажать, изъ опасенія повредить; эстетикъ—свободнѣе, ему нравятся и вредное, и порочное, если оно сильно, изящно, выразительно“ (стр. 263). Дальше выпадъ за морализмъ противъ Кирѣевскаго, Хомякова и Самарина... Вотъ вамъ и славянофилъ Леонтьевъ! Недаромъ онъ въ восторгѣ отъ Розанова, который называлъ слав—въ „наивными“. „И за слова о славяноф. *большое* спасибо—пишетъ Л... Именно *наивныя* вѣрованія“... (кн. V, стр. 181).—Но вѣдь это пишетъ христіанскій монахъ, спросить удивленный читатель-христіанинъ... Объ этомъ дальше; здѣсь, подъ строкой, лишній разъ хотѣлось оградить сл—въ отъ сосѣдства съ Леонтьевымъ...

2) „Р. В. и Сл“, т. I, стр. 18.

Леонтьеву хотѣлось бы вернуть политику Россію на другія рельсы. Нужно бросить „сердобольныя фразы о сочувствіяхъ, о страданіяхъ: онѣ ни къ чему не ведутъ. Откровенное обращеніе къ *интересамъ эгоистическимъ* вѣрнѣе“¹⁾. „Нація и государство—не человѣческій организмъ. Правда и они организмы, но другого порядка; они суть *идеи*, воплощенные въ извѣстный общественный строй. У *идей* нѣтъ гуманнаго сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо онѣ суть ничто иное, какъ ясно или смутно сознанные законы природы и исторіи. „L'homme s'agite, mais Dieu le mène“²⁾.—Не только область политики, но даже чисто религіозныя общины-монастыри, въ выполненіи своего назначенія, одушевляются не столько нравственнымъ принципомъ, сколько строгимъ повиновеніемъ организованной формѣ ихъ жизни: многочисленныя страсти, паденія, распри въ обителяхъ, расстройства въ средѣ братіи и т. п. сами по себѣ еще не страшны монастырямъ“³⁾. „Самыя дурныя страсти менѣе вредятъ *общему духу и общему строю* монашества, чѣмъ высокіе принципы, если ихъ вносить не кстати въ монашескую жизнь“⁴⁾. „Церковь признала святымъ Кирилла, епископа Александрійскаго, хотя исторія и представляетъ намъ его человѣкомъ страстнымъ, даже жестокимъ въ иныхъ случаяхъ... И она въ этомъ исполнѣ последовательна, и уроковъ ея не надо забывать, если мы хотимъ быть въ самомъ дѣлѣ православными, а не какими-то воздушными, фантастически летающими и порхающими христіанами, принимая французскую утилитарную гуманность и нѣмецкій сентиментализмъ за истинное христіанство“⁵⁾.

1) Тамъ же, стр. 6.

2) Тамъ же, стр. 25.

3) Тамъ же, стр. 47.

4) Тамъ же.

5) Тамъ же, стр. 51.

Историческая гипотеза Леонтьева побудила его радикально изменить свой первоначальный взгляд и на современнѣйшему ему греко-болгарскій церковный вопросъ, закончившійся, какъ извѣстно, съ одной стороны „болгарской“ литургіей 6 января 1872 года,—съ другой объявленіемъ Болгаръ „схизматиками“ на помѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ того же года, Первоначально стоявшій на сторонѣ Болгаръ („не стоило объявлять ихъ раскольниками“ говорилъ онъ...), послѣ своей теоріи Леонтьевъ сдѣлался немилосерднымъ судьей ихъ, разошедшись рѣзко въ этомъ вопросѣ и съ русской официальной политикой и съ Катковымъ¹⁾.

Мы видѣли до сихъ поръ передъ собою Леонтьева—историка-соціолога, съ безстрастною объективностью опредѣлявшаго основные факторы исторической жизни человѣчества.

Творящей душою процесса развитія является эстетическое чувство. Его проявленіями служатъ многообразныя формы человѣческой жизни.

Въ числѣ этихъ факторовъ жизни стоитъ и религія, въ самомъ своемъ существѣ опредѣляемая тѣмъ же эстетическимъ мѣриломъ. Опредѣляя христіанскую религію объективно и притомъ независимо отъ роли ея въ историческомъ процессѣ, Леонтьевъ называетъ ее „материалистическимъ спиритуализмомъ“ (напримѣръ, Христосъ—вполнѣ Богъ, но и вполнѣ человекъ, за исключеніемъ грѣха: т. е. воплощеніе; наше воскресеніе плоти послѣ общаго суда; всѣ таинства; вода (крещ.), мѣро (мѣропом.), вино и хлѣбъ (прищ.), елей (елеосвящ.), брачное соединеніе плоти (бракъ), руко-положеніе (священство), человѣческая бесѣда (исповѣдь), поклоны, крестъ, просвир-

¹⁾ „В. Р. и Сл.“, т. I, три первыя статьи съ поздними къ нимъ примѣчаніями.

и, икона, даже и чудотворныя *мощи*, свѣчи, лампы и д.¹⁾.

Объективной стороною религіи не исчерпывается знаніе ея для человѣка вѣрующаго. Леонтьевъ былъ въ разматриваемый періодъ монахомъ. Чѣмъ же для него *лично* была христіанская религія? Какіе императивы для его личной воли заключала она?

Полный разрывъ неба и земли — вотъ чѣмъ характеризуется религіозное міровоззрѣніе Леонтьева въ данномъ пунктѣ. Пессимизмъ Леонтьева проявляется здѣсь въ полной силѣ. Все на землѣ тлѣнно и преходяще. Христіанство возвыщаетъ человѣку одно только загробное блаженство и вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ величайшимъ несчастіемъ — вѣчнымъ адомъ. Избѣжать послѣдняго и получить первое — задача нашей здѣшней земной жизни. Путь къ тому лежитъ чрезъ отреченіе отъ радостей земли и постоянное истязаніе себя „во славу Божию“. „Нудящіе себя только восхищаются царство небесное“²⁾. Монашество — и именно организованное — является единственно правильной формой христіанской жизни: «оно высокій цвѣтъ христіанства»³⁾. Но, предвидитъ Леонтьевъ возраженіе, въ первые вѣка христіанства не было монастырей. Да. Но „мученичество, внѣшнія гоненія — были сначала средствомъ получить «небесныя вѣнцы». Только послѣ мірскаго торжества христіанства явилась потребность иного мученичества, добровольнаго, свободнаго

¹⁾ Письмо къ В. В. Р. отъ 27 мая, 1891 г. „Изъ переп...“, кн. V, стр. 165. Какъ сказывается въ Леонтьевѣ старый материализмъ и поклонникъ формы — въ самыхъ подчеркиваніяхъ мысли!.. „Христосъ воплѣтъ Богъ, но и — энергично оттѣняетъ Л — въ свою мысль — воплѣтъ человѣкъ“; въ монофизитствѣ не заподозришь... Какъ прямо демонстративно подчеркнуты: *руко, поклоны, крестъ* и т. д...!

²⁾ „О. Кл. Зед.“, стр. 32.

³⁾ Тамъ же, стр. 33.

отреченія отъ соблазновъ, отъ роскоши, даже отъ самыхъ невинныхъ, допущенныхъ закономъ радостей семейной жизни¹⁾. Монашество, такимъ образомъ, не заключаетъ въ себѣ блага, но лишь ведетъ къ нему, какъ и гоненія первыхъ вѣковъ давали поводъ получать „небесные вѣнцы“.

Приравненное, съ одной стороны, къ внѣшнимъ гоненіямъ на христіанъ, съ другой, понимаемое какъ „плоды и цвѣты христіанства“²⁾, монашество является необходимымъ послѣдствіемъ того истинно-нессимпатическаго отношенія къ жизни и къ нашей природѣ, которое заповѣдано намъ Церковью. „Презрѣніе къ плоти, признаніе за зло всей природы, всѣхъ естественныхъ влеченій и радостей, аскетическое отреченіе отъ міра—вотъ общія истина и православія и католицизма“³⁾. „Разумъ нашъ недостаточенъ: есть минуты въ жизни, когда онъ намъ неотступно твердитъ: я знаю только то, что ничего не знаю“. Свидѣтельство моею личной совѣсти основано на одной гордости личнаго разума⁴⁾. Если, такимъ образомъ, ни умъ, ни совѣсть не заключаютъ въ себѣ ничего религіозно положительнаго, то отказъ отъ нихъ—полное послушаніе лицу, поставленному надъ мною Богомъ—единственно правильная форма жизни. Монастырь и въ немъ институтъ старчества—такова идеальная форма земной жизни!⁵⁾

Но куда же дѣтъ тотъ эстетизмъ, который, по Леонтьеву, является мѣриломъ истины? Въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ религіи отреченія? Вотъ тутъ то и открывается по мнѣнію Леонтьева, все незамѣнимое значеніе положительной религіи. Не мораль препобѣдитъ эстетику—ниже

¹⁾ Тамъ же, стр. 32.

²⁾ Тамъ же, стр. 33.

³⁾ Тамъ же, стр. 36.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 39.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 39—49.

высшее, а тотъ же „простой“ голосъ затворника-старца. „Юлій Цезарь былъ гораздо безнравственнѣе Акакія Акакіевича и даже Скобелевъ былъ несравненно развратнѣе многихъ современныхъ намъ «честныхъ труженниковъ», и если у вспомниваго эти *факты* есть эстетическое чувство, то что же ему дѣлать, коли *невозможно отвернуть*, что въ Цезарѣ и Скобелевѣ въ тысячу разъ больше поэзіи, чѣмъ въ Акакіи Акакіевичѣ и въ самомъ добромъ и честномъ сельскомъ учителѣ. Какъ быть? Возненавидѣть эстетика? *Притвориться* изъ нравственныхъ мотивовъ, что не видишь ее? Презирать мораль? Невозможно ни то, ни другое, ни третье...“ Спасаетъ только положительная вѣра. „Она не нуждается во лжи и притворствѣ: «да, это изящно, сильно, эстетично, *но это не душиспасительно...*» Когда *страстную эстетика* побѣждаетъ *духовное (мистическое) чувство*, я *благоговѣю*, я *склоняюсь, чту и люблю*..“ — писалъ Леонтьевъ-старикъ своему ученику ¹⁾.

Жестокая борьба эстетики и религіи—употребляю выраженіе самого Леонтьева, и окончательная побѣда послѣдней надъ первой—побѣда, правда, закончившаяся сознательной смертью въ цѣлой половинѣ своего существа, ярко выразилась у Леонтьева въ его извѣстныхъ уже намъ „безумныхъ“ афоризмахъ. Стоить перечитать эти афоризмы, чтобы убѣдиться, что, по духу заключающагося въ нихъ ученія, вся правда для земной жизни на сторонѣ эстетики. Христіанство вредитъ эстетикѣ. Следовательно,христіанству мы будемъ и должны помогать *вопреки правдѣ*, только по „трансцендентному эгоизму...“ Но это вѣдь—распятіе—не „плоти своей съ ея страстями и похотями“, а той стороны своего существа, въ которой—страшно сказать! истина?!.. Больно, „да мало ли что! Христіанское ученіе (настоящее, а не *Гед. Мих.*) иногда весьма сурово и страшно, что

1) Свящ. Фуделя „Культъ...“, стр. 241—242.

дѣлать! Но разъ *безбоязненно* и *безусловно* принятое, по *простому* и *старому* *катехизису* (одобрен. *Св. Синодомъ*—да! да!) оно даетъ такія мощныя опоры, такія удивительныя утѣшенія (*косвенно* иногда даже и для бѣднаго, многострадальнаго самолюбія нашего), какихъ никакая другая философія дать не можетъ“¹⁾.

Ужасно это „да! да!“ —и не тѣмъ, что оно направлено противъ ожидаемыхъ возраженій читателя письма Леонтьева, а именно тѣмъ, что въ немъ вырвался незамолкаемый крикъ собственной души его!..

Мировоззрѣніе иное, по которому Господь нашъ Іисусъ Христосъ принесъ на землю благую вѣсть о царствѣ Божіемъ на землѣ, Леонтьевъ считалъ величайшимъ искаженіемъ христіанства: мало что въ немъ вызывало такую сильную вражду, какъ извѣстная рѣчь Достоевскаго на Пушкинскомъ торжествѣ...²⁾.

„Съ лично психологической точки зрѣнія, писалъ Леонтьевъ Розанову³⁾, настоящее христіанство можно назвать *трансцендентнымъ эгоизмомъ*“, т. е. исканіемъ загробнаго блаженства, индивидуальнаго спасенія своей души, и это онъ повторяетъ не разъ. „*Материалистическій спиритуализмъ* — съ метафизической точки зрѣнія; *трансцендентный эгоизмъ* — съ лично-психологической“ таковы излюбленные термины, въ которыхъ Леонтьевъ часто выражаетъ сущность христіанской религіи.

По самому своему темпераменту и по свойству своихъ идей Леонтьевъ менѣе всего хотѣлъ быть только кабинет-

¹⁾ „Изъ переп...“, кн. IV, стр. 648.

²⁾ Второй томъ „В Р. и Сл.“ въ главнѣйшихъ своихъ статьяхъ посвященъ раскрытію данной мысли—и съ положительной, и отрицательной стороны. У насъ это предметъ слѣдующей главы.

³⁾ Письмо отъ 27 мая 1891 г. „Изъ переп...“, кн. V, стр. 165.

нымъ мыслителемъ, тѣмъ менѣе, успокоиться на теоретическихъ основахъ своего міросозерцанія. И если всякая гипотеза въ области соціологіи заключаетъ въ себѣ извѣстную программу дѣйствій, то тѣмъ болѣе имѣетъ въ себѣ ее теорія Леонтьева.

Если многообразіе жизни въ деспотизмѣ формы—критерій цѣнности ея, то:

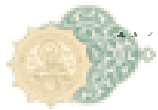
1) Самобытность является нашимъ государственнымъ долгомъ и, разумѣется, долгомъ каждаго народа: Турція въ живописности и своеобразіи своего быта до тѣхъ поръ и привлекательна Леонтьеву, пока она ни на іоту не измѣняетъ ему.

2) Идея прогресса, уравнивая всѣхъ людей идеалами свободы, равенства и братства, убиваетъ жизнь въ ея корнѣ. „Идея всечеловѣческаго блага, религія всеобщей пользы — самая холодная, прозаическая и вдобавокъ самая невѣроятная, неосновательная изъ всѣхъ религій“ ¹⁾. И если многообразіе — основа культуры, а прогрессъ — смерть ея, то „*Китаецъ и Турокъ культурнѣе Бѣлыйца и Швейцарца*“ ²⁾. Борьба съ „агалитарнымъ прогрессомъ“—государственный долгъ каждаго человѣка, а людей общественнаго служебнаго дѣла—въ особенности ³⁾.

¹⁾ „Вост., Рос. и Сл.“, т. I, ст. „Византизмъ и Славянство“, стр. 105.

²⁾ Тамъ же, стр. 106, примѣч. I.

³⁾ Иногда высказывается, хотя и преувеличенный, но все же, думаемъ, не вполне безосновательный взглядъ, по которому Леонтьевъ чрезъ идеи свои оказалъ вліянію на извѣстный поворотъ русской политики, начиная съ 81 года. В. В. Розановъ спрашивалъ Леонтьева объ этомъ. Леонтьевъ отрицалъ свое вліяніе, вѣроятно, потому, что не видѣлъ *полнаго* соответствія въ дѣйствіяхъ государственныхъ людей своимъ теоріямъ и указаніямъ. „О моемъ вліяніи на реакціонныя реформы? отвѣчаетъ онъ В. В. Развѣ метеорологъ, вѣрно предсказывающій погоду, имѣетъ на нее

1880 годъ — время въ известномъ смыслѣ государственной службы Леонтьева: онъ уѣхалъ въ Варшаву на должность ближайшаго помощника редактора „Варшавскаго Дневника“ — органа, правда, „мало пѣвѣстнаго“, но очень вліятельнаго на западнѣй окраинѣ.

самъ вліяніе? Если врачъ самъ *больного не лечитъ и на консилиумъ не приглашается*, но *знаетъ*, какъ идетъ болѣзнь, и понимаетъ *заранѣе*, что нужно дѣлать, то когда случится, что и другіе врачи попадутъ на тѣ же лѣкарства и сдѣлаютъ пользу,—развѣ этотъ посторонній врачъ можетъ сказать про себя, что имѣлъ „вліяніе“? Конечно, нѣтъ. Онъ можетъ считать себя очень дальновиднымъ, пророкомъ, гениемъ даже; но никакъ не *вліятельнымъ* лицомъ. Въ государствахъ, еще не обреченныхъ на скорую гибель, государственные люди, вовсе даже и не гениальные, доходять до *нужнаго* однимъ эмпирическимъ тактомъ, какъ доходили безъ правильныхъ теорій старые врачи. Дезинфекціей занимались не безъ успѣха и прежде открытія микробовъ, бациллъ и т. п. Я увѣренъ, что ни Государь, ни покойный Дм. Авдр. Толстой, ни даже Нв. Давыд. Деляновъ ни разу не говорили себѣ: „на основаніи закона *трѣднанаго процесса развитія* и изъ страха предсмертнаго смѣшенія сдѣлаемъ то-то и то-то“. Пбо если бы они *смѣшенія* этого *вносли сознательно* боялись, то, хлопоча усердно и основательно о *православіи* для *эстовъ и латышей* (это *нужное единство*), не вводили бы *французскихъ судовъ на русскомъ языкѣ* въ *Остзейскомъ краѣ* (это вредное *однообразіе, смѣшеніе*), а если какой-нибудь графъ, баронъ, бургомистръ, предводитель нѣмецкаго дворянства, или пасторъ оказалъ бы сопротивление православію *на ихъ туземныхъ языкахъ* (вопросъ нашъ: ну, а если на *русскомъ языкѣ*?!), то ссылали бы его въ Сибирь, или хоть въ Вятку безъ околичностей. Поймите, прошу васъ, разницу: русское царство, населенное *православными нѣмцами*, православными *поляками*, православными *татарами* и даже отчасти православными *евреями*, при численномъ преобладаніи православныхъ *рускихъ*, и русское царство, состоящее, сверхъ коренныхъ русскихъ, изъ множества *обрусѣлыхъ* протестантовъ, *обрусѣлыхъ* католиковъ, *обрусѣлыхъ* татаръ и евреевъ. Первое—созиданіе, второе—разруше-

Философъ-соціологъ сдѣлался политикомъ дня и тѣмъ самымъ получилъ возможность примѣнять свою теорію къ текущимъ явленіямъ жизни.

Объ этой эпохѣ въ жизни Леонтьева писали много: своими статьями „Варшавскаго Дневника“ онъ, собственно говоря, и извѣстенъ нашему обществу. Прочно установившаяся кличка „мракобѣсъ“ дана Леонтьеву за нихъ.

Это избавляетъ насъ отъ необходимости говорить много объ этой порѣ въ жизни Леонтьева, — тѣмъ болѣе, что насъ интересуютъ не столько его реакціонные рецепты, съ своей словесной, такъ сказать, стороны, обычные для всѣхъ временъ, сколько его душа — въ ея коренныхъ переживаніяхъ.

Государственная дѣятельность Каткова была для Леонтьева идеаломъ: какъ извѣстно, онъ предлагалъ еще при жизни воздвигнуть ему въ Москвѣ, на Страстномъ, „мѣдную гвалу“. То, что Катковъ дѣлалъ безсознательно, то Леонтьевъ въ своемъ мѣстѣ хотѣлъ дѣлать вполне сознавая дѣлкія цѣли. „Я, признаюсь, лично Каткова очень не любилъ, нишетъ Леонтьевъ о. Фуделю. Но онъ былъ истинно-великій человѣкъ. Катковъ, видимо, не очень-то вѣрилъ, подобно славянофиламъ, въ хорошія качества русскаго народа (и былъ правъ! Какая польза въ пріятномъ самообманѣ на попріщѣ политическомъ?!). Катковъ вѣрилъ въ силу и бу-

ніе. А этой простой и ужасной вещи до сихъ поръ ясно никто не понимаетъ... Мнѣ же, наконецъ, **надоѣло** быть гласомъ вопіющаго въ пустынь! И если Россія осуждена, послѣ короткой и *слабой* реакціи, вернуться на путь саморазрушенія, что „сотворить“ одинъ и одинокій пророкъ? Лучше *о своей душѣ* побольше думать, что я съ помощью Бога и старца и стараюсь дѣлать... *Моя душа безъ меня въ адъ попадетъ, а Россія, какъ обходилась безъ моего вліянія до сихъ поръ, такъ и впредь обойдется*“ (прим. наше: вотъ онъ — „трансцендентный эгоизмъ-то!“) („Изъ переп.“ V, стр. 173—174).

душность *государства* русскаго и для укрѣпленія не слишкомъ разбираетъ средства (страхъ—такъ страхъ; насиліе—такъ насиліе; цензура—такъ цензура; висѣлица—такъ висѣлица и т. д.). Катковъ былъ похожъ на военно-начальника знающаго *удобопреваритную* натуру челоуѣка; начальникъ этотъ, въ виду наступающаго непріятеля, не находитъ возможнымъ „убѣждать“ высокими рѣчами заробѣвшихъ и бунтующихъ солдатъ: *некогда!* Онъ разбиваетъ самъ пулей голову одному, бьетъ кулакомъ по лицу другого, ругаетъ третьяго, ласково ободряетъ остальныхъ и кратко взываетъ къ ихъ патріотизму. И. С. Аксаковъ *во время пожара* читаетъ благородную лекцію о будущей пользѣ взаимнаго страхованія любви. Богъ съ нимъ въ такую минуту. Я люблю полицеймейстера, который въ такую минуту и меня самого съѣздитъ по затылку, чтобы я не стоялъ сложа руки. Катковъ въ тяжелые дни своевоія и разстройства накидывался на „низшихъ“ (то есть, на обреченныхъ самимъ Богомъ повиновенію): Аксаковъ либерально и некстати великодушно корилъ всегда „высшихъ“ Катковъ не щадилъ ни студентовъ, ни народъ, ни земство, ни общество, и предпочиталъ (*основательно*) официальную „казенную“ Россію, *основательно*, ибо даже и вѣра православная не только пришла къ намъ *по указу* Владиміра, но и вѣлалась въ насъ благодаря тому, что народъ „загнали“ въ Днѣпръ“¹⁾.

Леонтьевъ могъ бы и не ссылаться на Каткова, какъ на образецъ для себя: его личныя религіозно-философскіе взгляды неизбѣжно приводили его на дѣлѣ къ самому крайнему реакціонерству, что онъ самъ и ставилъ себѣ въ заслугу. Вѣдь не нужно особаго труда, чтобы продлить линіи философіи Ницше до того предѣла, на которомъ онъ явится „мракобѣсомъ.“ И когда мы слышимъ Леонтьева, до ут-

1) „Култ...“, стр. 266; 265—266.

мительности часто повторяющаго слова: „безъ насилія нельзя. Насиліе не только побѣждаетъ, оно и убѣждаетъ многихъ, когда за нимъ, за этимъ насиліемъ есть идея“ ¹⁾, „Государство обязано всегда быть грознымъ, иногда жестокимъ и безжалостнымъ, потому что общество всегда и вездѣ слишкомъ подвижно, бѣдно мыслию и слишкомъ страстно...“ ²⁾, „Ничѣмъ и никогда людей удовлетворить нельзя безъ принужденія и безъ разнородныхъ формъ и приѣмовъ насилія надъ ихъ волей, умомъ, страстями...“ ³⁾ и т. д.,—то чего-либо неожиданнаго они намъ не говорятъ.

Леонтьевъ какъ будто провидѣлъ обвиненіе его въ „хищности“ ⁴⁾. И не смущался этимъ: „одинъ французскій зоологъ говоритъ, что хищныя животныя умѣютъ сильнѣе любить, чѣмъ травоядныя, которыя вообще грубы“ — отвѣчаетъ онъ на подобнаго рода обвиненія ⁵⁾.

Въ разсматриваемый нами періодъ жизни Леонтьева,—періодъ яснаго и опредѣленнаго формулированія новой обрѣтенной имъ правды, онъ самъ является учителемъ жизни—догматикомъ—проповѣдникомъ. Психологія проповѣдника—непоколебимая увѣренность въ правотѣ своихъ взглядовъ, — непоколебимая, по крайней мѣрѣ, для взора учениковъ. Такимъ мы и видѣли до сихъ поръ предъ собою Леонтьева—творца гипотезы „тріедиаго процесса развитія“, обличителя эгалитарнаго прогресса, защитника самобытной, если не этнографически, то по наслѣдію отъ грековъ (византизмъ) культуры русскаго народа, проповѣдника „простога, какъ онъ любитъ особенно подчеркивать, „старога аеонскаго православія“. За напряженной литературной дѣя-

¹⁾ „В. Р. и Сл.“, т. II, стр. 80.

²⁾ Тамъ же, стр. 43.

³⁾ Тамъ же, стр. 95.

⁴⁾ Таково обвиненіе „Вѣстника Европы“.

⁵⁾ „В. Р. и Сл.“, т. II, стр. 372.

тельностью, обильными письменными сношеніями, особенно съ молодежью, по отношенію къ которой онъ видѣлъ свой долгъ миссіи, Леонтьеву, повидимому, не оставалось времени „уйти въ себя...“

Но трагизмъ Леонтьевской натуры долженъ быть сказаться и сказанъ въ послѣдніе годы его жизни — разумѣмъ время его пребыванія, послѣ кратковременнаго цензорства, въ Оптиной пустыни.

Крикливый догматизмомъ своихъ статей Леонтьевъ не могъ заглушить подлиннаго глубокаго пессимизма своей души и въ болѣе ранній періодъ — годы „Византизма и Славянства“. „Кажется, что для меня все *живое кончено*... Все вокругъ меня *таетъ* — пишетъ онъ въ письмѣ своему другу въ 1876 году. Впрочемъ, не думайте, что я тоскую или рвусь; я какъ-то тихо и благодушно скучаю — больше ничего. *Ждать* больше нечего; *оплакивать* нечего, ибо все уже *оплакано давно*; восхищаться нечѣмъ, а терять? что??“ ¹⁾. Въ годы же передъ смертію — за 3—5 — ему пришлось усумниться во многомъ и больше всего въ главнѣйшемъ догматѣ своей политико-соціальной вѣры — въ возможности какой-либо русской самобытной культуры, и пришлось усумниться подъ влияніемъ... Вл. С. Соловьева.

Мы имѣемъ драгоцѣнный для опредѣленія всего душевнаго настроенія Леонтьева документъ — письма Леонтьева о влияніи на него Соловьева. Соловьевъ для Леонтьева былъ чародѣй, по отношенію къ которому онъ молился: „Боже! прости и охлады во мнѣ мое пристрастіе!“ Леонтьевъ сопоставляетъ въ письмѣ къ Розанову свое отношеніе къ Соловьеву съ своимъ отношеніемъ къ Страхову, т. е. отношеніе къ противнику съ отно-

¹⁾ „Рус. Обзор.“ 94, XI, стр. 390.

шеніемъ къ единомышленнику. „У Соловьева мнѣ и слабости и пороки нравятся, а у Страхова и самое хорошее — признаю.. конечно признаю, но — прости мнѣ Господи! — скрѣпя сердце. Когда дѣло идетъ о Соловьевѣ мнѣ нужно молиться: „Боже! Прости и охладя во мнѣ мое пристрастіе“. А когда о Страховѣ, то иначе: „Боже! Прости и уменьши мое *отерященіе*“.

„И то, и другое—вдругъ вздыхаетъ оптинскій монахъ— *иныхъ: христіанство—царскій путь, средній!*“ (кн. V, стр. 164).

Письма о Соловьевѣ, столь значительныя для уясненія личности Леонтьева, мало кому извѣстны даже и изъ тѣхъ, кому память Леонтьева дорога. Помѣщены они въ статьѣ г. А. Александрова „Памяти Владимира Сергѣевича Соловьева“ на страницахъ изданія, существующаго на день, да и то литературными фельетонами („Новое Время“, 1900 г. 7 авг.), а потому мы и позволяемъ себѣ привести ихъ здѣсь въ обширныхъ выдержкахъ, сдѣланныхъ, конечно, примѣнительно къ главной цѣли нашей работы. Письма писаны къ К. А. Губастову въ 1888 году.

„Соловьевъ—единственный изъ нашихъ писателей, который подчиняетъ до извѣстной степени мой умъ. Ни старыя славянофилы (Кирѣевскій, Хомяковъ, Аксаковъ), ни самъ Данилевскій, ни Катковъ не могли меня умственно подчинить. Мнѣ все казалось и кажется, что я многое вѣрнѣе, яснѣе, нагляднѣе ихъ понимаю... Но Вл. Соловьевъ, сознаюсь съ охотой, на меня 50-лѣтняго имѣлъ и имѣетъ огромное вліяніе. Это настоящій геній и геній съ какою-то таинственною высшею печатью на челѣ. Мнѣ очень трудно устоять противу его «обаянія»... Возражая ему, я всетаки почти благоговѣю. Жаль, что вы не потрудились, увидя, потому, прочесть цѣлыхъ 10—11 моихъ фельетоновъ въ «Гражданинѣ» («Вл. Соловьевъ противъ Данилевскаго»). Возраженія мои ему основаны на двухъ разнаго порядка идеяхъ: во-первыхъ, на идеѣ (и даже на чувствѣ) пра-

вославленной богобоязненности (то есть, не погрѣшить бы нечаянно противу нашего догмата. Епископы наши больше молчать и прятутся за цензуру). Съ этой стороны я не смѣю увлечься свободно его римскими симпатіями... Другая идея: по разумѣнію, я понимаю, что соединеніе церквей, весьма важное для борьбы противу грядущаго антихриста и т. п., если и состоится по волѣ Божіей, въ какой бы ни было формѣ, то до этого далеко, и такъ какъ никакой Восточный соборъ еще не объявилъ, что всякій вѣрующій православный обязанъ отнынѣ этимъ дѣломъ заниматься, то я нахожу, что пока и заботами славянофильскаго (т. е. культурнаго) обособленія отъ Европы не религіозной, не католической — мы имѣемъ и право и долгъ цѣлый хоть вѣкъ заниматься, и что этого дѣла хватитъ еще на 4—5 поколѣній, а наше дѣло теперь толкать къ этому Россію. Вотъ мое отношеніе къ Соловьеву, къ человѣку живому, умственно страстному, гениальному и указывающему ясный и твердый путь (хотя бы и ошибочный, быть можетъ)".

Въ другомъ письмѣ тому же Губастову (отъ 5 іюня) Леонтьевъ писалъ: „Если можете, выпишите мнѣ запрещенное у насъ сочиненіе Вл. Соловьева „La Russie et l'Eglise Universelle“ Въ достоинствахъ этой книги, какъ бы она ни противорѣчила съ извѣстной стороны моимъ убѣжденіямъ, — конечно, ужъ не ошибешся. Можно не раздѣлять мнѣнія автора, что центръ Вселенской церкви долженъ быть непременно въ римскомъ папствѣ, но надо сознаться, что онъ самый выдающійся изъ современныхъ мыслителей. Эд. Ф. Гартману — далеко до него. Во-первыхъ, потому, что діалектика Соловьева гораздо увлекательнѣе и яснѣе, чѣмъ у него (его исторія „Теократіи Библейской“ верхъ блеска и ума!); а во-вторыхъ, практическій выходъ въ жизнь у нихъ обоехъ, какъ небо отъ земли. У Гартмана — буржуазный мелкій стоицизмъ, весьма и безъ того распространенный на трудо-

номъ Западѣ, и въ будущемъ все большее и большее уравнение, однообразная и безвыходная зависимость лицъ отъ общества, старческое торжество печальнаго сознанія надъ бессознательнымъ, т. е. надъ всѣми чувствами и страстями (хорошими и порочными—все равно) и, наконецъ, по достиженіи доступнаго на землѣ совершенства въ этомъ сознаніи и познаніи и себя, и міра—тоска, безцвѣтность и всеобщая жажда смерти отъ скуки (примѣчаніе Леонтьева: „это вѣдь не мои предсказанія, а самого Гартмана“). Вѣдь иногда и теперь нѣчто подобное проглядываетъ, когда есть и неравенство, и война, и азіатскіе „варвары“ и много еще простыхъ и дикихъ людей...

Вообразите себѣ человѣка живого, молодого еще и полного силы, какіе еще есть теперь, слава Богу, вообразите, что онъ сталъ твердо и искренно на точку зрѣнія Гартмана... Онъ только что вступаетъ въ жизнь и хотеть дѣйствовать—что же ему дѣлать? Что? Когда Гартманъ не даетъ ему даже того утѣшенія, которое доставляютъ своимъ послѣдователямъ вожди и учителя социальной революціи; эти послѣдніе говорятъ: „жертвуй собою, иди на смерть, ты служишь постепенному водворенію полного равенства и рая на землѣ“. Ученикъ Гартмана (понимавшій хорошо сущность его ученія) долженъ сказать себѣ: не все ли равно? Стоитъ ли чѣмъ нибудь жертвовать для будущаго человѣчества, когда самъ Гартманъ очень ясно доказываетъ, что оно (человѣчество) только пойметъ весь безысходный ужасъ своего положенія, когда прогрессъ принесетъ уже всѣ доступные ему плоды; ибо прогрессъ ведетъ къ тому, чтобы каждый человѣкъ наименѣе зависѣлъ отъ природы (отъ силънаго физическаго труда, отъ болѣзней, отъ голодовъ, отъ непогоды и урожаевъ) и какъ можно больше отъ общества (отъ эгалитарнаго деспотизма всѣхъ надъ каждымъ). И тогда станетъ яснымъ, что корень страданія не во внѣ, а въ

насть самихъ. Люди обезпеченные и не обуреваемые при этомъ страстями нестерпимо скучаютъ. Значить, на практикѣ жизни человѣку, послѣдовательно исходящему изъ Гартмана, остается жить безъ идеи, а только по личнымъ наклонностямъ, вкусамъ и выгодамъ. Можно и такъ. Ибо—религія съ ихъ загробною жизнью—дѣтство и вздоръ. Благодѣянія земного никогда не будетъ; а разнообразнаго и пышнаго развитія—тоже теперь ожидать уже трудно,—все идетъ къ одному знаменателю!

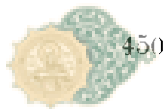
Вотъ правильный выходъ изъ ученія Гартмана. Что касается Соловьева, то онъ при всемъ своемъ высокомъ метафизическомъ полетѣ, даетъ мистицизмомъ своимъ практическую возможность выяснить путь жизни и для своей души и для національнаго призванія. Примиреніе церквей, подчиненіе папѣ, ограниченная только церковью власть Русскаго царя, пекущагося о наилучшемъ матеріальномъ устройствѣ жизни (охранительный социализмъ). Такимъ былъ его идеаль года 2—3 назадъ. Не знаю—что въ этой послѣдней его книгѣ. Оригинальную славянскую культуру онъ считаетъ и невозможною и даже вредною, какъ помѣху соединенію церквей. Сочувствовать, вы понимаете, я этому не могу, но сознаюсь самъ, что Соловьевъ—единственный и первый человѣкъ (или писатель что ли), который съ тѣхъ поръ, какъ я созрѣлъ, поколебалъ меня и заставилъ насильно думать въ новомъ направленіи. Вы то лучше другихъ знаете, что ни Аксаковъ, ни Хомяковъ, тѣмъ болѣе ни Катковъ, ни даже Данилевскій вполнѣ не удовлетворяли меня. Я чувствовалъ, что я переросъ ихъ моею мыслью; и если я не сумѣлъ выразить ее, эту мою мысль, въ моихъ сочиненіяхъ ни достаточно популярно, ни достаточно научно, ни достаточно завлекательно, ни достаточно убѣдительно, то этотъ сравнительный неуспѣхъ ни разу не поколебалъ во мнѣ внутренней вѣры моей въ особое культурное при-

звание Россіи. Въ первый разъ Соловьевъ заставилъ меня задуматься и поколебать меня. Поколебать не личную сердечную вѣру мою въ духовную истину Восточной церкви, необходимую для спасенія души моей за гробомъ. Онъ это-го и не ищетъ; онъ также вѣрить, что въ Православіи можно спастись точно такъ же, какъ и въ католичествѣ: „обѣ враждующія сестры—церкви соединены, по его мнѣнію, внутреннимъ единствомъ благодати“.

Онъ поколебать, признаюсь, въ самые послѣдніе 2—3 года мою культурную вѣру въ Россію, и я сталъ за нимъ съ досадою, но невольно думать, что, пожалуй, призваніе-то Россіи чисто—религіозное... и только! Ибо если даже и допустить, хотя бы и съ реалистической точки зрѣнія, что передъ концомъ свѣта (земли и человѣчества), всячески рано или поздно неизбѣжномъ, воцарится на время то высшее матеріальное благоденствіе съ нестерпимою душевной скукой, о которой пророчить Гартманъ (весьма правдоподобно), то вѣдь все таки предварительной-то борьбы, работы, побѣдъ, поражений и раздѣлений, предстоитъ еще столько (особенно, если вспомнить, какіе есть еще милліоны не-христіанъ на землѣ), что будетъ время и для Россіи исполнить какое то (теперь еще не ясное и спорное) но во всякомъ случаѣ великое назначеніе.

Будетъ ли это та новая, пестрая, своеобразная культура, о которой мы съ Данилевскимъ мечтали (увы! едвали!), или исключительно Соловьевское религіозное призваніе, послѣднее возрожденіе вселенскаго христіанства для послѣдней отчаянной борьбы съ безвѣріемъ (или анти-христіанствомъ, анти-христомъ), или, наконецъ, то разрушительно-соціалистическое назначеніе, возможности котораго на Западѣ съ нашей стороны (не безъ основанія также) многіе опасались и опасаются. Все равно, въ исполинскомъ какомъ-то назначеніи нашемъ уже и сомнѣваться нельзя...

Итакъ, Вл. Соловьевъ уже тѣмъ хорошъ, или (если хотите) тѣмъ опасенъ, что при всей воздушной высотѣ своей мистики и метафизики, онъ даетъ уму осязательную, видимую цѣль: подчиненіе папству—разъ, сохраненіе самодержавія—два, идеаль приближительного хозяйственного улучшенія—три (соціализмъ консервативный). Я, оставаясь самъ лично для себя на незначительный остатокъ земныхъ дней моихъ неуклонно на почвѣ простого и стараго афонскаго и оптинскаго православія,—какъ мыслящій человѣкъ, все болѣе и болѣе начинаю думать, что ученіе его имѣетъ будущность для Россіи. Не добрались, не додумались еще до него наши молодые люди“...

„Я согласенъ съ вами, пишетъ Л. по прочтеніи присланной ему книги, что книга С. „Ла“... слабѣе другихъ его трудовъ, но все таки въ ней, особенно для религіознаго человѣка, есть прекрасныя и потрясающія страницы... Его критика нашихъ.. порядковъ къ несчастію очень похожа на истину. Религія православная въ Россіи держится только нашими искренними личными чувствами, а церковное устройство вовсе не таково, чтобы могло усиливать и утверждать эти личные чувства“.

Изъ приведенныхъ выдержекъ явствуетъ, что въ глубинѣ своей души Леонтьевъ въ пору своего учительства не былъ такъ твердъ въ своихъ взглядахъ и такъ ясенъ въ своемъ настроеніи, какъ это могло казаться—и не безъ основанія—его ученикамъ: кризисъ, оказывается, не разрѣшился полною ясностью душевнаго настроенія. Для изучившаго душу Леонтьева послѣднее обстоятельство не представляется неожиданнымъ.

Гипотеза „трїедиаго процесса развитія“, въ которой—не разъ мы говорили—Леонтьевъ видѣлъ свою главную заслугу, какъ констатированіе закона міровой жизни, въ иѣдрахъ самой своей природы заключала фатализмъ въ направленіи пессимистическомъ: Гартманъ для Леонтьева, по спе-

ціально посвященнымъ ему статьямъ,—„самый глубокий умъ новаго времени“. Объективный пессимизмъ другою стороною дѣлается субъективнымъ и требуетъ или признанія единственнаго исхода смерти или какихъ-либо другихъ выходовъ. Какъ живая личность, Леонтьевъ хотѣлъ успокоить себя вѣрою въ самобытную культуру русскаго народа и въ этомъ видѣлъ его призваніе. Слабое успокоеніе и ненадежный для него выходъ! Мы видѣли, какъ предъ его скептическимъ анализомъ падали одинъ за другимъ славянофильскіе кумиры... Непривычно, даже дико для обычнаго представленія, но это такъ: остался единственно привлекательнымъ для него турецкій бытъ: къ этому именно времени относятся его лучшія повѣсти изъ турецкой жизни, и онъ, едва ли не единственный въ міровой литературѣ¹⁾, открылъ пагосъ туретчины, ея воинственности и женолюбія, религіозной наивности и фанатизма, преданности Богу и своеобразнаго уваженія къ человѣку... Но и это „варварство“—видѣлъ Леонтьевъ—таетъ у себя на мѣстѣ. А помимо того—не пересаждайте же его на русскую почву?! При такомъ отношеніи Леонтьева къ своему народу нужно было ожидать пересмотра гипотезы въ ея конкретныхъ applicаціяхъ и въ результатѣ его—или окончательнаго суда надъ родиной или указанія ея назначенія въ другомъ...

Своеобразнымъ выходомъ изъ пессимизма является религія Леонтьева. Ея положеніе въ общей сложности душевныхъ переживаній его и въ моментъ перелома, о чемъ говорили мы въ своемъ мѣстѣ, было совершенно одинокимъ и во все послѣдующее время Леонтьевъ никогда не пытался органически связать ее съ основнымъ направленіемъ своей души. Леонтьевъ нерѣдко видѣлъ ея отчужденность и—болѣе того—несоединимость съ его идеалами въ области ис-

¹⁾ Говоримъ такъ, опираясь на авторитетъ знатоковъ дѣла,—„Изъ переписки“..., кн. IV, стр. 639.

торіи и соціології, по считалъ это нормальнымъ: онъ *принудилъ себя вѣрить*—повторимъ и здѣсь наше выраженіе. „Что жъ тутъ оригинальнаго, пишетъ онъ въ своихъ „Тетрадахъ“ по поводу опредѣленія его религіи Гилзоровымъ¹⁾, не понимаю! Политико соціальныя и художеств.—критич. мои взгляды могутъ имѣть свою оригинальность; но взгляды на *христіанство*—просто *церковныя, общія* и я не *дерзну* ни за что отклониться отъ нихъ, ибо—считаю болѣе грѣхомъ, чѣмъ многое другое“.

Религія Леонтьева до конца дней пребывала въ отдѣльномъ углѣ его души, и онъ всячески оберегалъ ее отъ доступа какихъ бы то ни было, хотя бы самыхъ малѣйшихъ, сомнѣній и даже размышленій: здѣсь мѣсто одной только слѣдой вѣры. „Я, оставался самъ лично для себя на незначительный остатокъ земныхъ дней моихъ неуклонно на почвѣ простого и стараго апокалипсическаго и оптинскаго православія, какъ *мыслящій человекъ все болѣе и болѣе начинаю думать, что ученіе Соловьева имѣетъ будущность для Россіи*. Не добрались, не додумались еще до него наши молодые люди“. Мы подчеркнули это необыкновенно характерное противопоставленіе: „самъ лично для себя“... чит.: по вѣрѣ простой я оптинскій монахъ, но „какъ *мыслящій человекъ*“... я чуть не послѣдователь Соловьева...

Своеобразная религіозная психологія Леонтьева, страхомъ рожденная, страхомъ воспитанная, подъ конецъ жизни еще болѣе окрѣпла въ означенномъ направленіи подъ вліяніемъ ожиданія скорой кончины міра и пришествія Антихриста и еще болѣе напряженнаго, до болѣзненности, ожиданія своей смерти. „Впрочемъ (это между нами, прошу васъ), пишетъ Леонтьевъ Н. А. Г. еще за долго до письма о Соловьевѣ, послѣ словъ о взятіи нами Плевны и не-

¹⁾ „Тетрадь“ 1. № 21. „Статьи свои о Дост. и Толстомъ добавляетъ Л., я носилъ на приватную цензуру ученому москов. протоіерею от. Іо. Виноградову“.

отложномъ вступленіи въ Царьградъ, мнѣ кажется, что царство антихриста во всякомъ случаѣ близко, и въ *духовномъ* смыслѣ избранныхъ (то есть для себя лично вѣрующихъ „во единую, святую, соборную, апостольскую Церковь“), все будетъ меньше и меньше. *Но эти немногіе правы*“¹⁾. 77-й годъ, и я все готовлюсь умереть; впрочемъ безъ прежняго отчаянія и ужаса—нишетъ онъ тому же лицу²⁾.— Не желаю, но и не чувствую особаго страха, а все надѣюсь на милосердіе Божіе, что Онъ въ неизмѣримой милости Своей не попуститъ умереть мнѣ *неприготовленнымъ* и предстать безъ покаянія предъ страшное судилище Христово, предъ которое, это будьте покойны, придется предстать всѣмъ намъ!“

Христіанскій Богъ для Леонтьева—и этимъ опредѣляется основной тонъ его религіознаго настроенія—Богъ суда и наказанія, Который требуетъ „во славу Свою“ „жестокаго“ истязанія плоти. И при мысли о Немъ вся душа его сжималась страхомъ: желаніе избѣжать ада („трансценд. эгоизмъ“) прочь отгоняло отъ его души малѣйшія сомнѣнія въ правотѣ православія, какъ самыя реальныя навожденія злого духа³⁾. „Бѣдный М-г Загуляевъ, пишетъ онъ въ тетради, по поводу оцѣнки имъ православія Л., не знаетъ вѣрно, что значить „Бога бояться“... Но, увы, и эта твердая душа Леонтьева поколебалась. И не въ томъ дѣло, что православіе—„матеріалистическій спиритуализмъ съ метафизической стороны, трансцендентный эгоизмъ съ лично-психологической“—не совсѣмъ мирилось съ другими его мыслями, но „критика (Соловьевымъ) нашихъ церковныхъ порядковъ, къ несчастію, очень положе на истину“—(кур. нашъ) эти строки въ приводимомъ подъ строкою письмѣ едва ли не

¹⁾ Изъ цит. письма къ В. В. Р. объ отношеніи религіи и науки.

²⁾ „Письма“, 94, XI, стр. 392—393.

³⁾ Тамъ же, стр. 388.

⁴⁾ Тетрадь 2, № 6.

въ первый и единственный разъ вырвались у Леонтьева. А мы знаемъ, что значать они для Леонтьева, боготворившаго, употребляемъ слово безъ уменьшенія его прямого значенія, *форму* религіозной жизни!..

Соловьевъ оставилъ, все же, нетронутой область личной вѣры: „онъ къ этому и не стремится“... Мало того: онъ указалъ Леонтьеву иной путь для примѣненія его любви къ русскому народу. „Русскій народъ имѣетъ исключительно соловьевское религіозное призваніе, послѣднее возрожденіе вселенскаго христіанства (уже не „православія“, замѣтимъ отъ себя) до послѣдней отчаянной борьбы съ безвѣріемъ (или анти-христіанствомъ, анти—Христомъ)“ (изъ писемъ о С—ѣ).

И этотъ уклонъ въ религіозно соціальныхъ переживаніяхъ Леонтьева—не мимолетное „навожденіе“ „орла умомъ и талантомъ“¹⁾:

Леонтьевъ послѣдніе годы посвящаетъ свою литературную дѣятельность опять чуть не исключительно религіознымъ вопросамъ, но съ нею мы познакоимся при систематическомъ изложеніи его религіознаго міровоззрѣнія.

¹⁾ „Мало ли что Соловьевъ „орелъ“ умомъ и талантомъ. И всѣ его противники едва-едва въ ястреба годятся! пишетъ въ тѣхъ же письмахъ Леонтьевъ. И Наполеонъ I былъ неизмѣримо выше Кутузова и Блюхера и Шварценберга и Веллингтона; однако исторія была за нихъ, а не за него, и они соединенными силами низложили его... Не мы, его слабые противники, побѣдимъ его,—его побѣдятъ факты самой жизни Православнаго Востока... И отъ ученія его останется только то, что въ немъ было дѣйствительно важнаго (въ особенности, я думаю, теорія развитія Церкви, ясная какъ дважды два четыре, ну и вообще тотъ глубокий богословскій духъ, который онъ первый у насъ внесъ въ философію)“. Леонтьевъ, какъ видно, стремился все-таки считать себя *противникомъ* Соловьева... Вотъ ужъ подлинно навожденіе! По словамъ самого Леонтьева (въ письмахъ къ Розанову), онъ то и самое писалъ и самому Соловьеву (кн. V, стр. 161).

Для характеристики Леонтьева, какъ религіозной личности, достаточно—думаемъ—и сказаннаго.

„Постарайтесь прѣхать...

Умру—тогда скажете: «Ахъ! зачѣмъ я его не послушалъ и къ нему не съѣздилъ!»!

Смотрите!.. Есть вещи, которыя я только вамъ могу передать—такъ писалъ Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ, въ тайныхъ инокахъ „братъ Константинъ“, В. В. Розанову 18 октября 1891 года изъ Сергіева Посада, куда онъ, по благословенію отца Амвросія, переѣхалъ для совершенія грудной и опасной операціи (отъ бол. Ischuria). Письмо это было послѣднимъ: онъ умеръ 12 ноября того же года,—умеръ не отъ операціи, а отъ той самой рещмоніа, которая такъ ясно описана имъ, какъ точка отправленія для построенія теоріи „трїединого процесса“.

Священникъ К. Аггеевъ.